

ХРАПЧЕНКО М. Б.

ТЕКСТ И ЕГО СВОЙСТВА

Понятие «текст» в последние годы приобрело немалую популярность в различных научных кругах. О тексте, его природе и границах много пишут и спорят лингвисты. Опубликовано большое количество статей и книг под заманчивыми заглавиями — «Лингвистика текста», «Текст как объект лингвистического исследования», «Синтаксис текста», «Русский язык. Текст как целое и компоненты текста» и многие иные.

Проблемами текста занимаются, однако, не только лингвисты, но и философы, искусствоведы, психологи, этнографы. Временами обращение к этой тематике рассматривается как несомненное проявление склонности к научному новаторству.

В чем же суть дела? Почему столько споров вокруг вопроса о «тексте» и всегда ли они оправданы? Нужно прежде всего сказать, что есть два — серьезно отличающихся один от другого — подхода к теме — лингвистический и семиотический. И даже не различные подходы, а совершенно разное понимание сущности текста, содержания, которое заключено в этом понятии. Отсюда и неодинаковый круг проблем, которые интересуют лингвистов и семиотиков, скажу точнее, семиотиков глобального типа. Если лингвисты рассматривают «текст» как явление, тесно связанное со словом, как языковую категорию, то семиотики трактуют «текст» как совокупность значений той или иной группы знаков, что выходит далеко за границы словесных структур. Понятие это семиотиками глобальной ориентации распространяется на самые разнообразные процессы жизни и деятельности людей, человеческой культуры, и не только культуры, но и на явления природы.

Некоторые лингвисты скептически оценивают увлечение «текстом», оспаривают правомерность и необходимость исследования вопросов, касающихся «текста», в качестве более или менее значительных проблем современного языкознания. Другие же ученые, напротив, считают, что «проблематика текста выдвинулась в последнее время на одно из первых мест в мировой лингвистике. Текст получает признание как одна из важнейших лингвистических категорий...» [1, с. 3].

Крайности одной и другой точек зрения представляются в достаточной мере очевидными. Трудно согласиться с тем, что «проблематика текста» имеет основополагающий характер для советской лингвистики, учитывая общее направление ее развития, перспективы ее роста. Хорошо известно, что в центре внимания советских языковедов находятся вопросы структуры и социального функционирования языков, их действенной роли в жизни современного общества, проблемы их исторического развития, широкий круг тем сравнительно-исторического и типологического изучения языков. Первостепенное значение языковеды придают непосредственной связи лингвистических исследований с социальной практикой, ростом многонациональной советской культуры, в частности, работе в области лексикографии и лексикологии и т. д.

Большое внимание советские лингвисты уделяют разработке теоретических вопросов языкознания. Среди них свое немаловажное место начинают занимать и, вероятно, займут «проблемы текста». Но думается, что лишь в живой, тесной связи с основными вопросами советской лингвистики.

Одновременно с тем никак нельзя признать верным скептическое отношение к «проблематике текста». Видные языковеды не раз высказывали

мнение, что при изучении языковых единиц и категорий лингвистика до недавнего времени останавливалась на предложении как системном единстве. Более широкие языковые образования исследованию не подвергались — в силу его большой трудности. Идея системности, укрепившись в лингвистике, усилила стремление подвергнуть обстоятельному изучению сверхфразовые языковые образования, произвести анализ текста.

Но что такое «текст» с лингвистической точки зрения? Вот одно из его определений, принадлежащее видному советскому лингвисту, ныне покойному И. Р. Гальперину. «Текст, — пишет он, — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2].

Существует немало и иных определений текста. Однако преобладающая тенденция в различных его характеристиках состоит в том, чтобы установить основные признаки, границы текста, те внутренние связи, которые формируют его как единое целое. Важнейшими признаками текста нередко признаются его развернутость, последовательность, связность, завершенность. В числе заметных его особенностей иногда отмечается название, заголовок, как это сделал, например, И. Р. Гальперин. В зависимости от теоретических взглядов исследователя «набор» признаков меняется, но все же он остается в пределах сравнительно небольшого их числа.

Очевидно, что отдельные признаки сами по себе не могут образовать определенную целостность. Необходимо найти основу, источник их единства. И тут выявляется заметное разнообразие исходных положений, идей. Не имея возможности давать их обзор, скажу лишь о некоторых точках зрения.

Совершенно естественно, что основой единства текста были названы тема, предмет, о которых идет речь в том или ином сверхфразовом словесном образовании. Однако быстро выяснилось, что тема и предмет в достаточной мере не определяют главных особенностей различных видов текста. Ведь в нем часто и довольно рельефно проявляется неодинаковое отношение к одному и тому же предмету сообщения, высказывания. Хорошо известно, что ясность, отчетливость темы никак не исключают совершенно разного ее освещения.

По мнению Н. И. Жинкина, решающая роль в формировании единства текста принадлежит замыслу его создателя, смысловой связи отдельных частей высказывания. Замысел охватывает текст в целом — от его начала и до конца, оказывая свое воздействие на его структурные свойства. Смысловые связи проникают не только в структуру предложения, но и соединяют «предложения между собой. Иначе говоря, происходит смысловая интеграция порядка предложений» [3, с. 78]. При этом существенной оказывается взаимозависимость целого и его составных частей, так же как отдельных компонентов высказывания и целого: «Без осмысленности предложений не может появиться осмысленный текст. Но и без текста не может возникнуть смысл в предложениях» [3, с. 106]. Важное значение имеет информационно-коммуникативный характер текста, отражение в нем явлений действительности: «В конце концов смысл текста выражается в том, что обнаруживает соотношение вещей в определенных условиях времени и места» [3, с. 106].

Н. И. Жинкин постоянно пользуется семиотической терминологией. Однако он остается на позициях лингвистического и одновременно психологического истолкования текста. При несомненной ценности ряда высказываний исследователя в рассматриваемой книге ясно проявляются и слабости его теории. Н. И. Жинкин чаще всего обращается к мыслям, суждениям говорящего, оставляя в тени письменный текст. А тут есть немало важные различия. На мой взгляд, психологический подход вряд ли что может дать для понимания, скажем, такого рода текстов, как научные

описания флоры и фауны, минеральных запасов, установленных геологами, и многих других. Да и самое понятие «замысел создателя» текста не отличается достаточной определенностью. Кроме того, известно, что в процессе возникновения текста, особенно крупного по своим масштабам, замысел его нередко серьезно трансформируется и приобретает во многом новое содержание. Поэтому структурообразующее значение замысла становится трудно различимым.

И. И. Ковтунова, указывая на то, что «одна из кардинальных проблем структуры текста, которую пытается разрешить современная наука, — это проблема связности и цельности текста» [4, с. 4], считает, что реальный ответ на этот трудный вопрос заключают в себе идеи В. В. Виноградова относительно образа автора, развитые им в ряде работ. «Внутреннее единство текста, — пишет она, — создается единством образа автора .. Образ автора присутствует во всех видах текстов» [4, 5]. Но ведь положения В. В. Виноградова о роли образа автора относятся к художественным произведениям и без серьезной аргументации вряд ли могут распространяться на любой текст.

Следует сказать, что виноградовская концепция образа автора применительно к художественной литературе имеет немало сторонников, но одновременно высказываются и существенные возражения против нее. Отмечается, что само представление об образе автора имеет противоречивый и в общем довольно расплывчатый характер. Но если по поводу идей о месте и значении этого образа в художественных произведениях можно спорить, то бесспорным, по моему мнению, является то, что в весьма разнообразных видах текстов существование этого феномена установить невозможно. В самом деле, есть ли какие-либо основания говорить о присутствии автора, тем более его образа, например, в документах деловой письменности, законодательных актах, сводках погоды и т. д. Да и как можно характеризовать образ автора во многих иных жанрах текста, если в них вообще не содержится никаких образов. Все это означает, что образ автора нельзя признать началом, формирующим структуру текста.

Лингвисты, стремящиеся установить первоисточник единства текста, разумеется, не забывают о его коммуникативных свойствах. И вместе с тем многие из них полагают, что самое главное открыть «лингвистические закономерности организации текста...» [1, с. 3]. Однако наряду с такого рода положениями мы иногда встречаемся и с суждениями иного характера. «Лингвистика в том виде, как она сформировалась к настоящему времени — пишет А. А. Леонтьев — почти полностью замкнулась на лингвистических признаках связи двух или нескольких высказываний (предложений) между собою» [5, с. 18—19]. В то же самое время, по мнению автора, «целостность текста неопределима лингвистически» [5, 28]. Эту мысль следует признать вполне справедливой. Сам А. А. Леонтьев решение проблемы видит в использовании достижений психолингвистики, идей, касающихся речевой деятельности. Но как уже отмечалось, психологический и, думаю, психолингвистический подход трудно признать верным путем к истине.

Язык — при множестве разных его качеств — явление прежде всего социальное. И когда рассматриваются сложные словесные образования, без прямого обращения к их общественной функции обойтись никак нельзя. В формировании текста как единого целого определяющую роль играет его назначение, для чего, ради каких целей он создается. Общая направленность совокупности высказываний включает в себя и тему вместе с подтемами, которые освещаются в этих высказываниях. Понятое в таком плане и объеме назначение текста обуславливает соответствующий отбор речевых средств, стилевые особенности сверхфразовых образований, смысловые связи внутри текста, основные начала его структуры.

Очевидно, что научный труд, скажем, по физике и газетный фельетон, законодательный акт и описание путешествия предполагают использование не только неоднородных речевых средств, но и различный способ их построения. Внутренние связи, логика развития мысли в каждом из этих

видов текста оказываются в достаточной мере несхожими. Явление это можно проследить и на иных примерах. Трудно оспаривать структурные, языковые различия в таких системах высказываний, как описание вновь открытой реакции в химии и биография художника, репортаж о космических исследованиях и сообщение о судебном процессе и т. д.

Структура текста формируется также под отчетливым влиянием точки зрения его создателя или создателей на объект высказываний. В зависимости от их позиции изменяется ход мысли, аргументация, трансформируются и смысловые связи.

Иногда высказывается мнение, что при анализе текста необходимо учитывать и особенности адресата. Однако ориентация на определенный круг воспринимающих текст не имеет всеобщего характера. Многие виды текстов среди них, например, законодательные акты, имеют в виду самую разнообразную и во многом разнородную аудиторию. И только при такой ориентации они выполняют свою функцию, свое назначение.

Таковыми слагаемыми, как назначение текста и точка зрения его создателей, специфика сложных языковых образований, естественно, не исчерпывается. Особому анализу подлежат лексические и грамматические особенности различных видов текста, их стилевые черты и др. Они имеют важное значение для характеристики структуры текста, его целостности. Эти слагаемые можно было бы назвать собственно лингвистическими, если считать, что назначение текста и точка зрения его создателей представляют собой внелингвистические факторы. Однако такой взгляд вряд ли можно признать верным. Дело в том, что, скажем, назначение текста — это не нечто внешнее по отношению к его лингвистическим свойствам, а его внутренний ориентир и регулятор, который обуславливает и саму конструкцию текста и его действие. Поэтому деление на лингвистические и внелингвистические факторы формирования текста в определенной мере является условным.

Немало языковедов защищает идею необходимости разработать всеобщую модель текста. Она-то, по их мнению, и позволит открыть, наконец, глубинные лингвистические закономерности его структуры. Но известно, что далеко не всякая универсальная категория может быть реальным средством для действенного понимания различных конкретных явлений. Есть обобщения, которые получили название «тощих абстракций». Они мало помогают выяснению динамики реальных процессов. Не является ли и универсальная модель текста такого рода «тощей абстракцией»?

Одновременно с тем некоторые лингвисты считают, что попытки создания всеобщей модели не приведут к существенным результатам и поэтому целесообразнее сосредоточить внимание на анализе отдельных видов текста, на анализе, который, вероятно, и даст возможность когда-либо установить некий общий коэффициент.

Вероятно, тут есть зерно истины, но при этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что некоторые виды текста обладают своей резко выраженной спецификой. Это в первую очередь относится к художественному тексту. Многие лингвисты долго и упорно стремились его унифицировать, «подвести» его под заранее установленный ранжир, но ощутимых успехов не добились. Неудачей окончились и попытки исследовать язык художественной литературы в качестве одного из стилей языка, наряду, например, со стилем деловой письменности.

Источники этих неудач в достаточной мере ясны. В своем анализе художественного текста, так же как и языка художественной литературы лингвисты обычно учитывали, а временами учитывают и сейчас лишь коммуникативную функцию языка, в то время как вместе с ней в художественном тексте находит свое рельефное выражение и выполняет главенствующую роль эстетическая функция языка. А это во многом меняет самую сущность проблемы. В отношении художественного текста вопросы о его назначении, точке зрения его создателя, о языковых средствах приобретают свой особенный характер.

Литературоведы в течение длительного времени немало потрудились над тем, чтобы со своих позиций ответить на эти вопросы. Однако при всей

своей специфике художественный текст или, точнее, тексты неправомерно изолировать от других сложных языковых образований. Необходимо исследовать связи и соотношения, существующие между ними.

Среди других тем несомненный интерес представляют, например, проблемы целостности и членения художественного текста. Что следует в данном случае считать текстом — произведение в целом — скажем, четыре тома «Войны и мира», шесть томов «Саги о Форсайтах», или можно найти иные внутренние критерии членения художественного текста? И главное — в какой мере это обогащает лингвистическое и литературоведческое понимание текста, словесного искусства? Есть и другие вопросы, подлежащие изучению в этой связи.

Семиотическое истолкование текста — и это уже отмечалось — резко отличается от лингвистического. Как семиотическая категория понятие «текст» получило распространение сравнительно недавно. Им не пользовались основоположник современной семиотики Ч. Пирс, такой видный исследователь в этой области, как Ч. Моррис, его мы не находим и в объяснительном словаре по семиотике, составленном А. Греймасом и Ж. Курте [см. 6, с. 483—550]. Тем не менее понятие это в последние десятилетия стало популярным в семиотической литературе и ему придается очень важное значение.

Среди специалистов по проблемам семиотики ведутся споры о предмете, границах этой дисциплины. Одни исследователи считают, что семиотика изучает знаковые системы, которые имеют своей целью передачу информации, являются средством коммуникации, в основе которой лежит определенное намерение (*communicative intention*). Другие видят в семиотике «науку о любых объектах, несущих какой-либо смысл, значение, информацию (такими могут быть одежда, моды, меблировка помещений, планирование и архитектурное оформление внутреннего и внешнего пространства и т. д.)» [7, с. 11]. Противники ограничительной семиотики подчеркивают, что «коммуникативный акт может иметь место и тогда, когда нет намерения его совершать со стороны отправителя, часто не существует отправителя вообще в принятом смысле этого слова» [8]. Ч. Пирс к числу знаков относил изображения (иконические знаки), индексы и символы. Индексы, согласно взглядам ученого, это разного рода признаки явлений, то, что можно назвать сигналами событий (например, дым от пожара в лесу) и т. д. Часто знаками признаются симптомы болезней и многие иные признаки процессов, происходящих в жизни человека и в природе.

С этой точки зрения любая совокупность знаков, их значений может рассматриваться как семиотический текст. Но есть и более ограничительные его определения. Вот одно из них: текст — «любая семантически организованная последовательность знаков» [9]. Но как бы ни характеризовать текст в семиотическом его понимании — широко или более ограничительно — следует признать, что очертания этой категории зыбки, весьма неопределенны. Ее содержание слишком аморфно и неясно для того, чтобы служить основанием, исходным началом для развития целого направления в современной науке.

Использование этой категории уже при анализе явлений культуры приводит ко многим недоразумениям и отнюдь не помогает их более глубокому восприятию и пониманию. Какие новые черты и стороны мы откроем в музыкальных произведениях — симфонии, оратории, опере, если скажем, что перед нами семиотические тексты? Сторонник рассматриваемой теории, вероятно, сообщит нам, что все они имеют свой смысл. Но это очевидно и без специальных разъяснений. Далее — обнаружится некоторое сходство с «семиотически организованной последовательностью знаков» в других знаковых системах. Но вряд ли это обогатит наши представления о симфониях Чайковского и Прокофьева, об операх Верди и Мусоргского.

Вместе с тем категория «текст» накладывает на музыкальное произведение сетку несвойственных ему черт и признаков, искажает его художественную природу. Одно дело смысловые связи, возникающие в словесной структуре, и совсем иное — внутренние связи и соотношения,

раскрывающиеся в музыкальном произведении! Оно и создается и воспринимается иначе, чем словесный текст. Воспринимая комплекс чувств, переживаний, выраженных в музыкальном произведении, рядовой (да и не только рядовой) слушатель (он же и «читатель») чаще всего оказывается не в состоянии сколько-нибудь отчетливо охарактеризовать таинственную семантику музыкального «текста».

Подобно другим творениям культуры, архитектурное произведение также «текст». Он обращен не только к специалистам, и надо думать, не столько к ним, сколько ко всем тем, кому приходится видеть, созерцать создания архитектуры. Положение со «чтением» «текста» в этом случае представляется еще более сложным, чем с освоением музыкального произведения. Для обычного зрителя тут возникают непреодолимые трудности. И потому этот «текст» так часто оказывается «непрочитанным». Иначе говоря, утрачивается значимость его «смысла».

Следуя логике семиотических построений, «текстом» надо считать и город — как обширную совокупность многих архитектурных сооружений, которым присуща определенная «семантика». Но чем больше объектов, в том числе относящихся к различным эпохам, охватывает «текст», чем сильнее их «несхожесть», тем рельефнее выступают глубокие противоречия, которые заложены в самом содержании «семиотического текста».

Стремление объединять и уравнивать «несхожее», неоднородное отчетливо проявляется в различного рода семиотических построениях, касающихся искусства. Оно находит свое выражение прежде всего в перенесении свойств, особенностей литературы на другие виды художественной культуры. В одной из своих статей Ю. М. Лотман указывает, что повествовательные (нарративные) тексты литературы оказывают большое влияние на формирование различных моделей нарративного текста в искусстве в целом. «Все виды искусства, — пишет он, — могут порождать повествовательные формы. Балет XVIII—XIX вв. — повествовательная форма в искусстве танца, а Пергамский алтарь — типичный нарративный текст в скульптуре. Барокко создало повествовательные формы архитектуры» [10, с. 385].

Более того, иконические искусства (живопись, скульптура) «заинтересованы в возможности выбора типа наррации, а не в автоматическом получении его из специфики материала. Это приводит к тому, что словесное повествование становится революционизирующим элементом для имманентно иконической наррации и наоборот» [10, с. 386].

«Наоборот» здесь означает, что одновременно с воздействием повествовательных форм литературы на искусство происходит «агрессия иконизма в словесное искусство..., слово перестает быть той ощутимой и бесспорной единицей, которой оно является вне поэзии» [10, с. 386]. Заимствуя у других видов художественной культуры их свойства и особенности, литература в сущности утрачивает некоторые важнейшие свои качества как искусство слова. Со всей категоричностью Ю. М. Лотман утверждает: «...единицей в поэтическом тексте становится не слово, а текст как таковой...» [10, с. 386]. Реальный смысл этого противопоставления трудно понять, согласиться же с решительным отрицанием роли слова в литературе невозможно.

Очевидной в этой связи становится нивелировка различных видов искусства, забвение, негативное отношение к их специфике, которая, как известно, имеет огромное значение для понимания художественной культуры в целом, ее отдельных родов, их современной социально-эстетической функции. Раскрытие диалектического единства общих и специфических законов развития многих видов искусства подменяется принципом господства всеобщего, торжеством своего рода абсолютной идеи. Однако отрицание специфического, своеобразного при изучении искусства никогда не приводило к полноценным научным результатам.

Основной признак текста в его семиотическом освещении состоит в том, что текст является источником информации. Однако произведения искусства заключают в себе не только информацию о действительности, но и сложный мир чувств, настроений, стремлений человека. Они захва-

тывают читателя, слушателя, зрителя не только своими идеями, но и эмоциональным отношением к жизни, ощущением прекрасного и возвышенного. А это куда шире и глубже «семантически организованной последовательности знаков».

Как уже отмечалось, в семиотических работах наблюдается, наряду с ограничительным, — расширенное понимание знака и знаковых систем. Надо думать, что это означает и соответствующую трансформацию категории «семиотический текст». При расширенном понимании знака и знаковых систем в сферу семиотических исследований включается трудно обозримое количество явлений и процессов. В сущности ведь каждое событие в жизни человека, то или иное явление природы, каждый предмет несут определенную информацию — будь то лес, зеленый или уже сбросивший с себя листву, поле, засеянное различными сельскохозяйственными культурами, оно же после уборки урожая, темные тучи, предвещающие дождь, озеро, заросшее водорослями, почва в ее разных видах, цветы, растения, минералы и т. д. и т. д. Да и сам человек, люди разных возрастов и национальностей, согласно семиотической теории, являются источниками информации и потому также представляют собой своеобразный текст.

Несостоятельность такого рода идей очевидна. Но и в том случае, когда так или иначе ограничивается перечень знаковых явлений — «текстов», — возникает то, что обычно называют «дурной бесконечностью». Ее, как известно, научная мысль остерегается. И это совершенно понятно. Наука успешно развивается тогда, когда в достаточной мере ясно очерчивается объект исследования. Его аморфность, неопределенность не только весьма затрудняет научные исследования, но нередко порождает бесплодные усилия ученого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синтаксис текста. Отв. ред. Золотова Г. А. М., 1979.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 18.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
4. Ковтунова И. И. Вопросы структуры текста, в трудах акад. В. В. Виноградова. — В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. XI. М., 1982.
5. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. — В кн.: Синтаксис текста.
6. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. — В кн.: Семиотика. Сост., вступ. ст. и общ. ред. Степанова Ю. С. М., 1983, с. 483—550.
7. Степанов Юр. [С]. В мире семиотики. — В кн.: Семиотика, с. 11.
8. Baer E. S. Some elementary topics of general semiotic theory. — *Semiotika*, 1980, № 4, p. 351.
9. Успенский Б. А. Структурная общность различных видов искусства на материале живописи и литературы. — In: Recherches sur les systèmes signifiants. Symposium de Varsovie. 1968. The Hague — Paris, 1973, p. 443.
10. Лотман Ю. М. Замечания о структуре повествовательного текста. — Труды по знаковым системам. VI. Вып. 308. Тарту, 1973.